

Александр В. Кашкаров
Арсений Ю. Ващенко
Бом Булинат.
Индийские дневники

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8342585

*Бом Булинат. Индийские дневники / Арсений Ващенко, Александр
Кашкаров: Европейские издания; Москва; 2008
ISBN 978-5-98797-017-1*

Аннотация

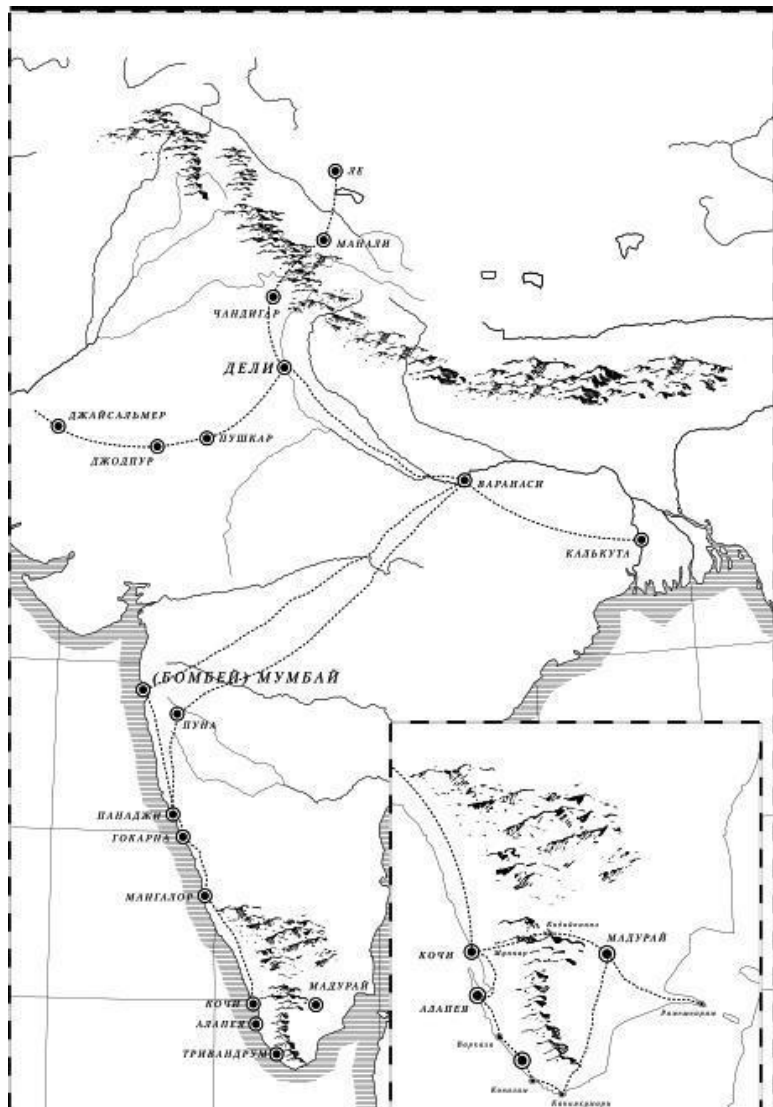
«К середине «нулевых» у нас, наконец, созрело собственное «поколение X», герои которого, подобно персонажам культового коуплендовского романа, престижным радостям мегаполиса предпочитают свободу, дорогу и хорошую историю. Конечно, Индия – тема модная и почти беспроектная. Но «Бом Булинат» написан не для кучки пижонов, зараженных синдромом Гоа, для которых Индия стала более «продвинутой» альтернативой лыжному курорту. В книге много ироничных и точных описаний местной специфики, но эта история не только об отдельном путешествии, которое всегда предполагает точку возврата. Ее герои как раз озабочены темой «невозвращения» – к самим себе, привычным и прежним. За каждым персонажем здесь стоит и ухмыляется конкретный живой человек, с характерной

манерой речи, вредными привычками и трогательными слабостями. Авторам удалось не растерять эту непосредственную интонацию и протащить ее через всю книгу, а это дорогого стоит».

Наталия Бабинцева («Время новостей»)

Содержание

Пролог	8
Варанаси	26
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Арсений Ващенко,
Александр Кашкаров
Бом Булинат.
Индийские дневники**

© Издательство «Европейские издания», 2008

© Текст: А.Ю. Ващенко, А.В. Кашкаров

© Фото: А.Ю. Ващенко, А.В. Кашкаров

Пролог

«Нет счастья человеку, который не странствует.

Живя в обществе людей, даже лучший человек становится грешником. Итак, странствуй!»

Айтарея Брахмана

Мы сидели на диване клуба «Дача», когда это заведение еще было клубом, и, чтобы попасть туда, надо было придумать пару хороших знакомых и иметь визитную карточку. Совсем недавно кончились новогодние праздники, и все страдали похмельем. Мы – это Кашкет, Арсений и Митяй.

Митяй – наш приятель с копной спутанных волос на голове. Три года назад он заработал прозвище «Бомж», за очень длительное и трепетное ухаживание за своей будущей женой, когда дневал и ночевал возле ее подъезда.

Кашкет – роста среднего, предпочитает короткую стрижку и частенько отпускает бороду, становясь похожим на араба-террориста, как только борода становится длиннее волос на голове. В лице его и впрямь есть нечто восточное, большие глаза и губы выдают в нем добрый нрав. Спокойный, невозмутимый характер, крепкое телосложение, открытый взгляд и уверенная манера говорить сразу располагают к доверию.

Во времена нашей юности Кашкету доверяли все родите-

ли. Если я шел гулять в компании Кашкета, мама никогда не волновалась. На любую юношескую авантюру родители смотрели благосклонно только в том случае, если не обходилось без участия Кашкета.

Его рассудительная манера говорить вызывает в слушателе желание верить всему сказанному, а интонация не оставляет сомнений в том, что Кашкет безоговорочно прав. Самомнения и уверенности в себе ему не занимать. Пользуясь этим, Кашкет может порой сморозить какую-нибудь нелепость с видом знатока, и все доверчиво кивают головами, загипнотизированные логической последовательностью повествования. Нередко в такие моменты я тоже делаю вид, что соглашаюсь, так как если уличить Кашкета во лжи, то разгорится неминуемый спор. Кашкет всегда прав, и его правда не подлежит сомнению. В древней Греции он был бы состоятельным гражданином, упражняясь в софистике и риторике.

Великими его достоинствами являются добрый нрав, спокойствие и умение хранить молчание, когда это особенно кстати. Не помню ни одного случая, чтобы я с ним поссорился, мы всегда находим компромисс, в чем, впрочем, есть и моя заслуга. Небывалая уверенность в себе и своих силах прочно держит его на ногах. Он никогда не поддается панике, волнению, суете и речеобилию.

Подобно мудрецу, Кашкет на все взирает со спокойствием и улыбкой. Это распространяется и на чувства. Кашкета не увидеть замеревшим перед небывалым пейзажем или

бурно реагирующим на чудеса природы. Какой бы силы ни была радость – она никогда не выливается через край, а тихо булькает на дне его души. Единственное, что заставляет вскипать его кровь – это алкоголь и женщины в одном флаконе. Такая «бесчувственность» моего друга отражается и на его отношении к здоровью. Кашкет никогда не болеет, а если уж заболит, то не признается в этом даже самому себе. Ну, а коли уж случается подняться температуре, он отвергает любые лекарства и просит купить побольше сигарет и бутылку рома.

Еще в школьные времена Кашкета привлек образ Брюса Виллиса и, стараясь во всем походить на своего героя, он некоторое время успешно воплощал его в жизнь. Минимум удобств, трехдневная щетина, волевой, сосредоточенный взгляд, синдром похмелья, пачка «Lucky strike» в кармане и сигарета натошак стали правилами, а вскоре утвердились в привычку. Кое-что навсегда впиталось в его характер и уже не принадлежало одному Брюсу, а стало неотъемлемой частью моего друга.

Кашкет без сигареты – все равно, что пляж без моря! Дома Кашкет чаще всего возлежит, согнув одну ногу, на своем спартанском диванчике с книгой в руках и сигаретой в зубах. На тумбочке у изголовья – несколько пустых пачек, пепельница, зажигалка, стопка самых разнообразных книг и мобильный телефон с оглушительным звонком, напоминающим трель дискового аппарата.

– Сигареты купил?

– Держи.

– Привет!

– Салют!

С этого начинаются почти все наши встречи, или:

– Привет!

– Салют! Послушай...

– Сейчас погоди, сигареты возьму, – говорит Кашкет, направляясь к вешалке.

Кашкет – надежный человек, на него всегда можно рассчитывать. Но на что я, бывает, злюсь, так это на его все-ленскую лень, может, отчасти потому, что тут мы похожи, и нередко вступаем прямо-таки в состязание, кто кого перелентяйничает. Кашкет по большей части побеждает.

Мой друг может провести несколько дней прикованным к кровати с книгой в руке и в блаженной дреме, без еды и воды, но не без сигарет. Однажды в деревне Кашкет пролежал неделю, пока не прочел все что имелось от корки до корки и не выкурил все до тла. После этого он как ни в чем не бывало вскочил с постели и пешком отправился в магазин за пять километров купить сигарет.

Правда, надо отдать ему должное – уж если он поднялся и взялся за дело, то доводит все до конца.

Кашкет наделен тонким чувством юмора, самообладанием и он всеяден – в общем, всем тем, что нужно для хоро-

шего друга и прекрасного попутчика.

Арсений. Не так просто двумя словами описать Арсения – и его внешность, и характер заставляют задуматься. Мне он чем-то напоминает Артюра Рембо, после того, как тот вернулся из Африки. Со светлыми редкими волосами, греческим профилем, он бы неплохо смотрелся в напудренном парике с длинными локонам в эпоху Людовика XIV. Ему также подошел бы Париж начала прошлого века, Арсений жил бы на бульваре Монпарнас, сидел бы в кафе, попивая абсент, закутанный в длинный шарф ядовитого цвета. Есть еще в нем «барчуковость» – эдакая врожденная ленивость избалованного молодца.

Для такого человека жизнь в нынешней Москве невозможна. Но этого не видно с первого взгляда – с друзьями, в больших компаниях и обычных пьянках он весел, говорлив, и может искренне и увлеченно болтать о всякой ерунде, заболтать какую-нибудь барышню, увести ее в злачный клуб, натрескаться там чем ни попадая, а на утро мучиться совестью и испытывать нечто вроде душевного похмелья, и позже, целую неделю также искренне раскаиваться в содеянном.

Арсений пессимист, романтик и идеалист, он во всем ищет подвох и обычно его находит. У него доброе сердце, душа не знает покоя, а вот мозг ему, судя по постоянным мигреням, просто ни к чему.

Арсений очень трепетно относится к своему здоровью.

Утро его невозможно представить без геркулесовой каши или перепелиных яиц, еще он делает зарядку по утрам и прочие упражнения для повышения тонуса, правда, обычно это каким-то невероятным образом сочетается с алкогольными возлияниями на традиционных пятничных, субботних и воскресных вечеринках.

– Как ты можешь это есть, Кашкет?! – возмущенно восклицает Арсений, указывая на жареную курицу. – Это же сплошной холестерин и канцерогены!

– Некоторым это полезно!

– Побереги свое здоровье! И сходи на обследование!

Прием у врача – это единственное исключение, когда мой друг не опаздывает. Во всех остальных случаях он умудряется опаздывать минут на двадцать, тридцать, делая вид, что сам не понимает, как такое могло случиться, хотя на самом деле причины банальны – не успел доесть геркулес с йогуртом.

– Ты когда-нибудь и на свои похороны опоздаешь!

– Типун тебе на язык! Да, позвонили с работы, потом надо было к сестре забежать, ну а там... сам же знаешь – Москва! – трагически произносит Арсений. Это типичная отговорка.

Одно я знаю наверняка – он хороший друг, который всегда опаздывает.

На нашем месте мог бы быть кто угодно – обычные люди двадцати пяти лет отроду, имеющие работу, досуг, депрессии, не знающие, что делать в ближайшем будущем, ищущие относительную свободу там, где обычно находят лишь заблуждения, страдающие «от нечего делать», жаждущие того, чего сами не ведают. Но сидели на удобном диване именно мы...

– Эх, скучно! Надоело все – чесать «бобиком» в офис, ждать выходных и ходить по клубам, мучиться похмельем по воскресеньям, и все это с календарной точностью! – провозгласил Арсений.

– Я себе специально работу выбирал, чтоб каждую неделю в командировки – самолет, поезд, проводник – куда-нибудь в чужой город... – меланхолично поддержал Кашкет. – И хоть бы что! Так же скучно.

– Чего мучиться? – воскликнул Митяй. – Езжайте куда-нибудь подальше, да на подольше!

– Ну да, и все бросить? – засомневался Арсений. – И где денег набрать?

– Перемещение не поможет – проверено! – убежденно сказал Кашкет. – Надо себя менять, а себя не бросишь!

Митяй хитро прищурился, философски подпер свою косматую голову рукой и назидательным тоном произнес:

– Прописная истина, старик, но путешествие обновляет и позволяет оторваться от поглотившей тебя обыденности, и взглянуть на все по-новому, в том числе и на себя самого.

Официантка принесла текилы, поставила каждому по рюмке и удалилась обслуживать двух англичан, которые все это время сражались в бильярд за нашими спинами и громко обзывали друг друга нецензурными английскими выражениями. Арсений проводил взглядом официантку, взглянул на бильярдистов, которые замолчали, припав к пивным кружкам, и сказал:

– Вот, паразиты, им хоть бы что – уважаю англикосов! Нигде не пропадут. – Арсений снова повернул голову в сторону официантки. – А кроме денег... Где там женщин искать?

– Найдете где-нибудь.

– И где ж это «где-нибудь», Митяй? – поинтересовался Кашкет.

– Да, Бомж, ты ж все знаешь, сам себе жену тут нашел, а нас куда-то «туда» – вот и объясняй!

– Ну, говорят, на Кубе за бутылку колы можно такую мулатку найти, что... – Митяй, не договорил, вздохнул и теперь задумался сам. – В общем, есть места.

– Слышала б тебя жена, Митяй, ты б другие места нам рекомендовал, – резюмировал Кашкет. – Чего болтать, все равно никуда не свалим, будем сидеть вот так, пить и разглагольствовать, пока сорок не стукнет.

К нам снова подошла официантка, окинула любезным,

усталым взглядом, спросила, что нам угодно, Арсений почему-то заказал три порции рома.

– Нет, Кашкет, нельзя так больше! Поехали на Ямайку или в Индию!

– Мне лично надоели сотовый телефон, менты, снегоуборочные машины и дети возле цирка на Цветном бульваре, которых фотографируют дерганые родственники – я уже, наверное, засветился на тысяче фотографий с детьми разных лет, с надувными шариками и без... Так вот, если этого всего не будет – я готов!

– Чего это в Индию? – удивился Митяй. – Почему не на Кубу? Я ж говорю, там за колу...

Арсений не дал договорить Митяю.

– Недавно к моим родителям приезжала их подруга из Италии, рассказывала, что купила домик в каком-то городишке в Индии, нас звала... Говорит, что подобного нигде не найдешь.

– Ага, хороший выбор! Прекрасный! – вскипятился Митяй. – Там же тотальная жесьть!

– Жесьть тут! – сказал Кашкет и пристально посмотрел на Митяя. – Там, может, и индийская жесьть, но московской я сыт по горло.

– Ну ладно, – согласился Митяй и повернулся к Арсению. – Слушай, братец, а что за домик? В каком городе? С прислугой, уроками камасутры? Все что угодно, лишь бы не к кришнаитам!

– Я знаю не больше твоего, но Карла сказала, что райское местечко!

– Ага, райское! В Индии таких нет!

– Итальянцам я доверяю, Митяй, у них тонкое чувство прекрасного!

– Да там же миллиард индусов! – не унимался Митяй.

– Не индусы, а индийцы! Индус – это приверженец религии, а если говорить о национальности – то индиец! – сказал Кашкет.

– По сути Кашкет прав, но мне все же больше нравится «индусы» – так звучнее! И плевать, сколько их там, главное – уехать!

– Ну, если это случится – я разведусь!

Мы поспорили на митяевский бракоразводный процесс, скрепив спор выпитым ромом.

* * *

Как только я принял твердое решение отправиться куда подальше из Москвы, я испытал облегчение, будто уже отправился в путь, хотя все еще продолжал сидеть в офисе и выполнять работу, которая мне осточертела.

Я предвкушал, что скоро все вокруг меня изменится, станет новым и прекрасным. Чувство опасности только усиливало все остальные. Я знал, что путешествие взбудоражит кровь, встряхнет мозги и чувства, и всего меня.

Я не думал о своей жизни после возвращения, так далеко вперед я не заглядывал, мне просто все надоело в Москве, прежде всего размеренный график жизни по календарю от выходных до выходных, от зарплаты до зарплаты. Дни мелькали, как минуты, а недели как часы, чувство ограниченной свободы просыпалось в субботу, а к вечеру следующего дня виновато удалялось. Будни представлялись обыденно серыми и таяли, не задерживаясь в памяти. Время несло неумолимо вперед, и я уже представлял себя в летах, с пузом и лысиной, лениво плетущимся на работу или в бар, скучным мещанином, не допускающем даже мысли о чем-то необычном. Будучи молодым и полным сил, я не хотел соглашаться с тем, что жизнь, которую я вел в данный момент, можно вообще назвать жизнью. Мне хотелось движения, чувств, эмоций, приключений – настоящей жизни, черт побери! Может быть, я и не был к этому готов, но что-то так и толкало меня вперед.

Больше всего на свете мне хотелось, ни с кем не считаясь, послать все к черту и хоть раз сделать так, как хочется только мне.

Почему бы и нет, подумал я и объявил боссу, что увольняюсь. Босс решил, что меня что-то не устраивает, но когда услышал, что я собираюсь в Индию и надолго, только и сказал: «Мы силой никого не держим».

Оставшееся до отъезда время я пребывал в состоянии сладостного предвкушения. Я вдруг взглянул на всю обыден-

ность по-новому, многое меня перестало раздражать. Я мечтал быть то Робинзом на безлюдном острове в тени кокосовых пальм, то колонизатором в пробковом шлеме, смакующим стаканчик джина в тени баньяна. Мне было плевать на карьеру и на все блага городской жизни.

Я не представлял, что буду там делать и, честно говоря, ничего не планировал, мой мозг требовал отдыха, душа – пищи, а я искал ответа на вопрос, которого сам не знал. Хотелось сменить обстановку, глотнуть свободы, и с головой окунуться в неизвестность. И все равно Индия или что-либо другое. И еще хотелось настоящей экзотики.

Мне хотелось стряхнуть с себя гнет городских предрассудков. Я чувствовал, что надо уехать, и уехать надолго!

* * *

Не знаю, что побуждает человека путешествовать в наше время, явно не жажда приключений. Покинуть свой уютный дом, отказаться от работы, большой зарплаты, женщин и телевизора ради длительного и сомнительного путешествия по такой стране, как Индия, многим покажется довольно неразумным поступком и, более того, решением идиотским, не сулящим ничего хорошего.

Перед отъездом, в то время, когда мне еще надо было сидеть на своем рабочем месте и сдавать дела новоиспеченному сотруднику, я получал по электронной почте письма от

Арсения. Все его письма были исключительно о том, какие разновидности вредоносных бактерий существуют в Азии, сколько видов ядовитых пресмыкающихся обитает в Индии, и как отличить обычную диарею от дизентерии или тифа.

Альберт Камю как-то заметил, что в Индии умирают либо безумными, либо счастливыми. Я совершенно не собирался там умирать. Однако все наши сборы отчасти напоминали похороны, и иногда мне казалось, что обратно нам не вернуться.

Когда сборы стали походить на поминки, я подумал, что если уж нам и суждено помереть в Индии, то Арсений покинет этот мир безумным и вряд ли счастливым.

Я как-то уж больно просто решился на эту затею. Семь лет назад также запросто мы купили дом в деревне на последние деньги. Но приготовления к любой поездке отвлекают, а предвкушение дороги, ожидание чего-то неизведанного действуют, как хорошая порция текилы. Например, методично обсуждая противопоказания «Делагила», Арсений ни с того ни с сего принимался мечтать вслух о будущих днях где-нибудь в Варанаси, где воображал себя исключительно в роли колонизатора. Дальше его воображение рисовало другие, но всегда соблазнительные и экзотические картины. Так он фантазировал до самого отъезда, ни разу не усомнившись в том, что все может выйти совершенно иначе. Но я его не расстраивал, потому что и сам имел весьма смутное представление о ближайшем будущем, и это ощущение не прошло

даже тогда, когда мне, наконец, вручили паспорта с визами и билеты.

В детстве я имел несчастье посмотреть фильм «Танцор диско». Я на всю жизнь запомнил, как главный герой, Митхун Чакраборти, дерется с дюжиной усатых негодяев, подкидывая высоко вверх катушечный магнитофон и раздавая оплеухи, больше похожие на смачные пощечины. Звуки ударов походили на хлопки в ладоши. В конце эпизода Митхун избил всех негодяев под собственные аплодисменты. Неизгладимое впечатление! Примерно такими же были мои представления об Индии. Когда я задавался вопросом «что там будет?» – передо мной вырастал танцор диско с магнитофоном под мышкой. Нет, я, конечно, знал что-то об Индии, и довольно много, но это ровным счетом ничего не давало, и поэтому я просто не имел права разоблачать иллюзии моего друга.

В какой-то момент Арсений решил, что он все-таки художник, и мы поехали за холстами и красками. По дороге он без умолку говорил о том, как это здорово – вырваться на свободу, в неизвестность, а, главное, творить, когда у тебя в распоряжении куча свободного времени, целый дом и пара слуг с опахалами.... Сам я мало фантазировал на этот счет, постоянно натываясь на усатых негодяев и аплодисменты. Я вполне понимал, от чего уезжаю...

Не могу сказать с точностью, когда во мне зародилось это

чувство – чувство раздражения и гадливости.

На работе утром я никогда не работал – читал книги. Однажды на обложке книги, которую я взял с собой, было написано «читать модно». И я, признаюсь, злорадно ухмыльнулся: кого модно читать? Всех подряд? Гоголя, Толстого? Гете, Данте? Маринину, Шопенгауэра? Кого? Непонятно. Какой кретин мог это выдумать!? Окончательно меня добил канун праздника – День города! Более невыносимого праздника в календаре нельзя вообразить! Утешением служит лишь то, что он в сентябре и всегда можно уехать в глушь, в деревню, подальше от пластиковых стаканов, разбитых бутылок и толпы идиотов на Пушкинской площади.

Все это известно и не ново. И много сейчас книг про то, что Москва – не город, а «краткосрочный проект для амбиций», вокруг актуальные профессии, престижные должности, менеджеры всех возможных звеньев, их истории о взлетах и падениях, о растленном мегаполисе и проч. Такие истории, похоже, должны служить отдушиной или собственным оправданием для читателя. Порой я спрашивал себя – не убегаю ли от всего этого? Не злобный ли я дезертир? Отчасти это было именно так – я улепетывал с поля боя, но с чистой совестью, потому как думал, что такие баталии не по мне. Я не сомневался, что в Индии с нами случится нечто «значительное»! Жизнеутверждающие, позабытые подростковые иллюзии!

Я по-прежнему не мог согласиться со все более утопичными мечтаниями Арсения – они казались мне подозрительными и чересчур наивными. Единственное, что все еще омрачало жизнь моего друга, так это болезни, климат, насекомые и «азиатчина». Он боялся этой азиатчины, как укуса королевской кобры, но разъяснить, что он имел в виду, никак не мог. Встретились с Константином Хасиным – аюрведическим¹ врачом, который выдал нам рулон бумаги с дикими названиями из индийской народной фармакологии. И Арсению стало гораздо лучше. Совсем уверенно Арсений почувствовал себя, когда нам вкололи прививки от гепатита и брюшного тифа.

Костя Хасин, казалось, предупредил обо всех возможных индийских напастях, но когда я сказал ему, что планируем сразу, по прилету, ехать в Варанаси, он как-то скис, пожал плечами и дополнил список лекарств еще дюжиной названий.

На этом все приготовления были закончены, и мы наконец поняли, что уезжаем, однако я никак не мог найти в себе мысли об обратном возвращении. С другой стороны, фактическое возвращение не только предполагалось, но и навязывалось – об этом говорила и дата в билетах, и друзья, и близкие, и что-то еще – вроде военкомата и неоконченной аспи-

¹ *Аюрведа* – (санскр. – “наука о долголетьи”), традиционная индийская медицина, сложившаяся к VIII в. до н. э., истоки которой лежат еще в магических представлениях ведийской эпохи.

рантуры. При этом я вдруг обнаружил, что и родственников, и друзей очень быстро и легко забыть даже до отъезда. Меня изумила собственная черствость.

Итак, у нас были билеты до Дели, карточка «Travel Visa» с двумя тысячами долларов на счете и девятьсот долларов наличными, два фотоаппарата, холсты, краски, плеер, аккумуляторы, заряжающее устройство и еще куча ненужных в будущем вещей.

Перед отъездом мы, по обыкновению, устроили грандиозную вечеринку, с обилием алкоголя и тостов, причем многие пили не чокаясь. Нас не провожали – нас хоронили: сулили голодную смерть, нескончаемый понос, половое воздержание и прочие неприятности. Многие обещали обязательно приехать, другие советовали, куда ехать, но никто не сказал, зачем.

Я решительно не знал, чего ждать, и оттого радостно и глупо улыбался всему и вся.

Однако ж эта идиотская улыбка исчезла с моего лица тотчас, как мы очутились на Мэйн базаре ²...

* * *

Опасения, что Арсений умрет в Индии безумным, подтверждались. Он лежал в душном номере без окон отеля

² *Main Bazaar* – грязная улица вблизи вокзала. Перекладной центр бэкпэкеров, путешествующих по стране.

«Хари Рама», на квадратной кровати, уставившись в потолок, на котором, грозясь сорваться, бешено крутился вентилятор. Крохотная комната была отделана розовой кафельной плиткой и напоминала душевую или операционную. Вид Арсения вызывал уныние, он отказывался разговаривать и шевелиться.

Несмотря на свое название «Хари Рама» – «израильский» отель, на третьем этаже размещается подобие синагоги. В маленьком грязном вестибюле я повстречал раввина, который пытался зазвать всех постояльцев на молебен – но практически все израильтяне были наглухо обкурены и без передышки били в таблы³, не обращая на раввина никакого внимания. Этот самоотверженный человек с пейсами так строго посмотрел на меня, указав в сторону комнатки-синагоги, что я чуть было не подался в иудеи. Английского я не знал, иврита тоже, поэтому неловко вытащил из-под рубахи православный крестик, и тогда он печально покачал головой и снисходительно улыбнулся: «У всех свои недостатки».

Вернувшись в розовый склеп, я застал Арсения в том же положении. После прилета он сказал всего одну фразу: «Жесть! Надо обратно, в Москву!».

³ Табла – индийский сдвоенный барабан.

Варанаси

Варанаси – город Шивы, одно из самых священных мест Индии. Название Варанаси происходит от имен рек Варуна и Асси, между которыми стоит город. Более двух тысяч лет Варанаси является культурным центром страны и считается древнейшим обитаемым городом планеты. Первое упоминание о городе относится к XIII в. до н. э. В прошлом известен как Бенарес, Каши.

«Моя душа, восхищенная этим величественным созерцанием, возносила к Божеству; и, глядя с этой высоты, как мои ближние в слепом неведении идут по пути своих предрассудков, своих заблуждений, несчастий, преступлений, я кричал им слабым голосом, которого они не могли услышать: «Безумцы, вы беспрестанно жалуетесь... Узнайте же, что все ваши беды исходят от вас!».

Жан Жак Руссо. «Исповедь»

«Ты есть то».

Уддалаки Аруни

Когда курю – всегда хочется писать! Так и сейчас, затушив *биди*⁴, пожалуй, черкну пару строк.

⁴ *Биди* (bidi) – индийские сигареты, изготовленные вручную; в сухой лист дере-

Вот уже несколько дней мое настроение напоминает грибной трип, волна эйфории сменяется волной депрессии, вторая обычно длиннее первой. Наверное, это в порядке вещей, но сегодня это меня уже не утешает, и я снова в аду, добро пожаловать назад, заходите, мы вас ждали, присаживайтесь вот сюда, здесь не так жарко, голову лучше отложить, а мозг вынуть!

Поразительно, что может проделывать воспаленное сознание!

Зачем я приехал сюда, что делать дальше, как жить? Когда я в Москве, меня все бесит и хочется вырваться оттуда, а когда это удастся, наступает скука, хандра и хочется обратно. Замкнутый круг, где меняются только декорации, а главное неизменно – будто едешь в поезде, а мимо, сменяя друг друга, проносятся цветные картинки, какое-то время это тебя занимает, затем надоедает, как и все в этом мире, и начинаются новые поиски, чтоб не сойти с ума.

Я ставлю опыт – буду записывать все, что со мной происходит, а когда все пройдет, в чем я не сомневаюсь, предамся самоанализу, будет развлекуха на какое-то время, оттянусь как следует.

Индусы иногда просто бесят своим женским любопытством и назойливостью. С другой стороны, они умиляют ме-

ва тембури заворачивают крошку табака-самосада. Большинство биди производится на дому. Небольшой размер биди вмещает гораздо меньше табака, чем обычная сигарета, но из-за его низкого качества и отсутствия фильтра курильщик вдыхает намного больше смол и никотина.

ня своей любовью к жизни, тем, как просто и радостно они по ней топают, ни капли не заботясь о материальной стороне, тут я им честно завидую...

Так вот, помню, как неделю назад задавался теми же вопросами и вначале также лез на стену, то ли от тоски, то ли от уныния. Помнится, лежал и думал, почему ж мне так плохо и беспокойно, когда причин для этого нет. Наоборот, все вокруг складывается очень позитивно. Я в полной мере мог бы считать себя вполне счастливым человеком, но чувствовал себя при этом абсолютно несчастным.

На некоторые вопросы я нашел ответы, но многие так и остались неразрешенными. Тем не менее, как-то раз, проснувшись поутру, я почувствовал, что все прекратилось, мрачные мысли, как ветром сдуло, никаких забот, полная безмятежность – чудесная метаморфоза. Я почувствовал себя настолько счастливым, насколько им и являлся, и дальше с каждым днем это чувство только возрастало. Угрюмые мыслишки потеряли тропинку к своему дому и растворились в чаще сказочных ощущений. Надо сказать, что когда ты счастлив, зная отчего и почему – то счастье умножается во сто крат.

Бенарес. Комната на втором этаже старинного дома с мраморными полами и колоннами, расположенного в самом сердце древнего города за полуразрушенным дворцом магараджи, который дышит прохладой пустых окон на залитый

солнцем *Ганг*⁵. На улице галдит детвора, в комнату крадется дым благовоний из уличных алтариков, смешиваясь с ароматом еды и специй, мрамор пола холодит ступни, пролетает комар и все тот же Кашкет все так же читает. У меня по-прежнему все замечательно, я цел и невредим, я не спился, не сторчался, не скурился, денег на путешествие хватает, но я попрежнему угрюм и недоволен. С ужасом думаю о том, что если мне так плохо, когда вокруг так прекрасно, то что же будет, если вокруг станет плохо? Вы спросите, а с чего я взял, что будет именно так? Отвечаю, обязательно будет, не может же все всегда идти гладко, да и вообще я пессимист.

Бананы – 1 рупия за штуку. Мандарины – 25 рупий за кг. Ананас средних размеров – 25 рупий. Джем – 54 рупии за банку. Так закончился еще один день.

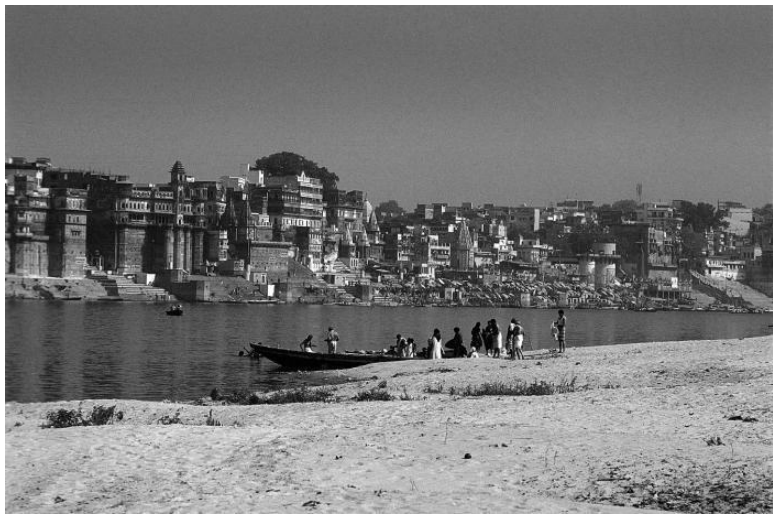
* * *

Вне всякого сомнения – что-то не так. Где я? И зачем?
Два вопроса, на которые не так просто ответить.
Бенарес, Индия, штат Утар Прадеш?
Да.
На другой планете?

⁵ *Ганг* (*Ganges*), *Ганга* (*санскрит*, буквально – “поток”) – в географическом значении чаще используется мужской род, в религиозном и мистическом – женский (Мать-Ганга, Священная Ганга и пр.).

Да.

Я избавился от шума снегоуборочных машин, пробок, суеты и телефона. Это положительная сторона. Однако сообразить и осмыслить, что я по доброй воле застрял в этом городе, мне кажется абсурдом. Виноват в этом, конечно, Варанаси. Сказать, что это странный город – ничего не сказать. Варанаси самый мистический город, из всех, которые я видел. Таких городов нет, и больше не будет. Нигде.

Вид на Варанаси с противоположного берега

Варанаси, на первый взгляд, обладает всеми атрибутами того, что обычно называют древним индийским городом:

улицы, дома, бесконечные лавочки, липкий запах специй, ленивые коровы и собаки, словно сошедшие с полотен Иеронима Босха, грязь, жители, которых тут должно быть около двух миллионов или больше. Нагромождение домов, клубки сплетенных узеньких улиц и тупиков, кучи людей, живущих вне времени, существующих как иллюзия, каким-то мгновением.

В Бенаресе ощущается истинная религиозность, суть индуизма, квинтэссенция культуры и обычаев, без понимания и разъяснений. Про это место можно сказать только то, что в Варанаси существует только сам Варанаси. Недаром даже Марк Твен, человек с большим чувством юмора, не стал иронизировать по этому поводу, сказав, что «Варанаси древнее самой истории, древнее традиций и легенд – древнее, чем все это вместе взятое».

Варанаси всегда будет выше традиционных литературно-исторических определений, которые дают городам, потому что этот город больше похож на затерянную Трою Гомера, на ветхозаветный Вавилон, когда в нем принялись строить башню, или на Атлантиду, которой, возможно, никогда не было. Но Бенарес есть. Он вырастает из матери Ганги, он – вскормленное ею дитя, и его взаимоотношения со священной рекой не так просты... Париж и Сена, Каир и Нил, Лондон и Темза – город и река, в то время как Варанаси и Ганг – это мистический союз двух осязаемых символов.

По преданию Варанаси вырос на месте, где упала слеза

богини Парвати, а Ганг вытекает из головы самого Шивы.

Бенарес вошел в легенды как самостоятельный элемент. Известный арабский путешественник *Абу Бируни*⁶ объясняет один из мифов так: «У индусов есть места, которые почитаются в связи с их религиозной жизнью, каков, например, город Варанаси. Отшельники направляются в этот город и остаются там навсегда, подобно тому, как соседи Каабы навсегда остаются в Мекке. Они желают, чтобы там завершился их жизненный предел, дабы после смерти их награда была наивысшей. Они говорят, что проливший кровь отвечает за свое преступление и наказуем соответственно со своей виной, разве что он войдет в город Варанаси, где получит прощение и отпущение грехов, и рассказывают легенду о том, что «Брахма обладал четырьмя головами в одном обличье. Между ним и *Махадевой*⁷ произошла ссора, и последовавшая схватка завершилась тем, что одна из голов Брахмы была оторвана. В то время существовал такой обычай: победитель брал голову убитого противника в руку и держал ее подвешенной в знак унижения врага и собственной храбрости, вложив ей в рот уздечку. Голова Брахмы была таким образом обесчещена рукой Махадевы, который всюду носил ее с собой; куда бы он ни шел и что бы он ни делал, он никогда не расставался с ней пока, наконец, не достиг Варанаси.

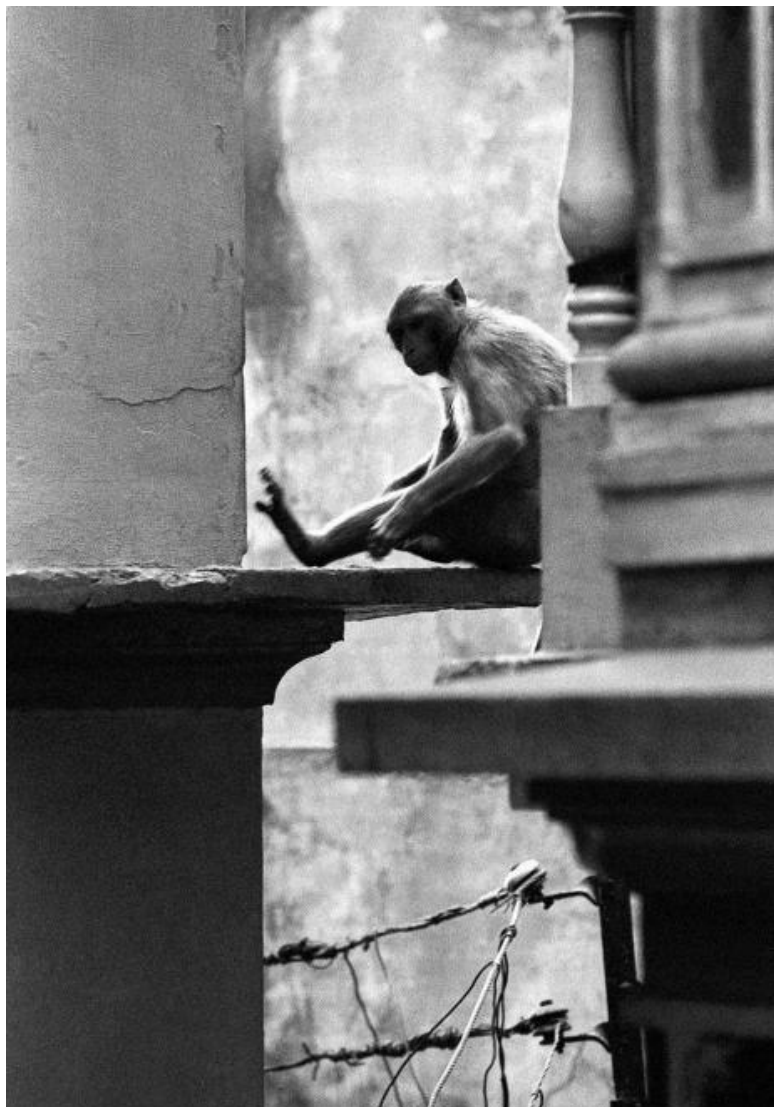
⁶ Аль-Бируни, *Абу Райхан Мухаммад ибн Ахмад* (973–1048) – персидский ученый-энциклопедист.

⁷ *Махадева* – одно из имен Шивы.

Как только он вошел в Варанаси, голова сразу выпала у него из руки и исчезла».

Чтобы разобраться в символизме этих легенд, нужно быть индусом. Арсению бесполезно что-нибудь объяснять про шиваизм или индуизм. Он считает всех индийцев дикарями, в крайнем случае, обзывает их язычниками. Мы ведем бесконечные дебаты, сидя на крыше нашего дома, вглядываясь в Ганг, покуривая *чи́ллам*⁸ и попивая ром. Не знаю, чем вызвана такая категоричность моего друга, но он часто и честно говорит о собственных сомнениях и с еще большим удовольствием разглагольствует о внутреннем мире других. Иногда он даже отвечает за меня или за Махатму Ганди. Единственный индус, который его озадачил – Рабиндранат Тагор. Но я подозреваю, что его он индийцем не считает, причисляя к вымышленному племени философов.

⁸ *Чи́ллам* (chillum) – прямая глиняная трубка для коллективного курения гашиша.

Время остановилось!

Казалось, я не поднимался с этого плетеного кресла целую вечность, ноги так и лежат на небольшой медной табуретке с затейливым узором. В голове все те же мысли, но уже без мучительной тоски. Судя по красным цифрам на календаре, висящим на обшарпанной стене столовки, в которой мы вкушали завтрак – сегодня вечером будет какой-то праздник.

Календарь из столовки не соврал, часов около пяти мы вышли на *Муниш Гат*⁹ и направились в сторону Асси. Еще не стемнело, но кое-где на гатах уже были расставлены балдахины, повсюду суется праздничных приготовлений. Ганг тихо ползет мимо, из-за далекой, сумрачной гряды зелени на другом берегу лениво выплывает огромная красная луна, декорации оживают, и уже не верится, как могло продолжаться представление без главного героя. Тучи ночных мотыльков осаждают освещающий набережную фонарь – такое впечатление, что идет снег.

Домой шли в кромешной темноте без фонарика, то и дело поскальзываясь на коровьих лепешках. Поднялись на кры-

⁹ *Gat* (Ghat) – ступени или спуск к воде вдоль реки или озера (каждый участок имеет свое название), также гатами называют гряды гор или холмов. Считается, что в Варанаси ровно сто гатов.

шу, зажгли свечи и пили ром. Кашкет все время повторял: «Хорошо сидим»; да, было действительно прекрасно! Внизу раздавались звуки праздника. Ганг вдруг замерцал оранжевой иллюминацией – это поплыли в красных черепках с цветами маленькие свечи. Сотни крошечных огоньков вытянулись в змею, все прибывая, словно выныривая из пучины – это плыла не видимая во тьме лодка, в которой кто-то зажигал и спускал на воду все новые и новые язычки пламени.

* * *

Время стоит.

Читаю Сартра. У меня с ним последнее время наладилась какая-то связь, что не замедлило подтвердиться, когда я прочел про «дворцы Бенареса», наверно и он здесь был, бродил по гатам и, возможно, так же страдал от одиночества.

Сартр, Бенарес, «Doors» и дым биди слились воедино в этой комнате. Вечер, а, кажется, что глубокая ночь, уже давно стемнело, но сейчас всего лишь полдевятого. Не знаю, писал я об этом или нет, но последнее время мне все лень. Лень писать, лень читать, лень курить, лень рисовать, лень выпивать, лень сидеть и лежать. Все это происходит само собой, без моего участия. Я – как растение, мысли роятся сами по себе, выводы рождаются и умирают, но не влекут за собой никаких действий. Все бессмысленно и неинтересно, жизнь кажется хрупкой, как сгоревшая спичка – только тронь, и все

рассыпется в прах.

Сейчас Индия мне кажется какой-то враждебной.

Хочется оторваться от мыслей, забыться и ни о чем не думать, в голову лезет единственный способ – напиться. Гашиш надоел. От него мякнут мозги, становятся ленивыми, как и все тело. В стене сознания образуется брешь, в которую устремляются мысли. Когда все надоест и тут, вернусь домой, забыв, что и там все надоело, чтобы все надоело заново. Это бесконечная спираль, по которой можно двигаться до изнеможения.

Найти бы такое дело или занятие, которое заставит окунуться в него с головой, забыв обо всем остальном. Ведь живут же люди, делают свои дела, решают проблемы и считают себя счастливыми, не сходят с ума, может и мне поступить также!

Играли в шахматы, луна так и не показалась, несмотря на чистейшее небо. Странно! Даже все объясняющий Кашкет не знал, куда она делась.

Сидим сиднем дома. Хочется куда-нибудь двинуть из Бенареса, но, мне кажется, это бесполезно, никуда не деться от этих мыслей. Я уже не боюсь их, теперь мне просто интересно: «Чем все это закончится?».

Может, это отмирает во мне московская, бесплодная жизнь!? Мое состояние – это расплата за обманчивое счастье городского суетливого прозябания, оно как рвота – неприятный, но очищающий процесс, так и этот поток негативных

мыслей – душевное очищение, итог которого – обновление и гармония чувств.

Собственно, я не хотел писать – сегодня мне хорошо. Со-
врал! Я стараюсь писать в дневник каждый день хоть что-то
– это как утренняя гимнастика. Либо каждый день, либо нет
смысла.

Поэтому когда проем окна озарился, как в грозу, вспыш-
ками яркого света, я понял, что будет, о чем рассказать. На-
зойливые мартышки доигрались до того, что одна из них, ви-
димо, задела провод от вывески «BABA GUEST HOUSE»,
висящей как раз на уровне наших окон. Момент удара током
бабуина, мы не видели, зато успели разглядеть, как бедное
животное, ничего не соображая, металось туда-сюда по кар-
низу, а затем чесало уязвленную конечность тремя другими.

Это, пожалуй, единственное происшествие за сегодняш-
ний день.

Все то же, что и вчера: завтрак, книги, шахматы, прогулка
по гатам до *Маникарники*¹⁰, остановка у центрального гата,
покупка арахиса и поход обратно.

Играет «Doors», Кашкет пишет дневник. Если б Морри-
сон знал, что его музыка так умиротворяет, то наверняка бы
впал в депрессию, а, может, такой ее сделало время. Сегодня
не пили и не курили – чувствую себя прекрасно, пойду спать,

¹⁰ *Маникарника* (Manikarnika Ghat) – название гата, где проводятся ритуальные
сожжения тел.

уступив место за столом Кашкету.

* * *

Утром сняли лодку на главном гате, где все еще лежал труп с табличкой «помогите на сожжение бедняка», рядом куча мелочи и дров, оставленных сердобольными людьми. Мы переправились на ту сторону Ганга и, высадившись на обжигающий песок, двинулись в направлении зеленой полосы деревьев, слабо рдеющей на горизонте.

Противоположный берег Ганга – это широкая полоса отмели, на ней нет ни одной постройки, нет народа, только изредка можно заметить группу людей, переправляющихся на утлых лодках в город. И только в большие праздники, поздно вечером тут столпотворение от факельных шествий.

Пустынный берег Ганга

Пустынный берег считается проклятым, и умереть тут – великое несчастье. Смерть на ступенях Маникарники и ритуальное сожжение сулит искупление и новую жизнь, смерть же в проклятом месте – залог того, что в следующей жизни есть вероятность родиться презренной ящерицей или плешивой собакой. Именно тут, на изгибе реки, на откосах, находят свое последнее пристанище тела *садху*¹¹, которых глодают псы, и туши коров с выклеванными глазами.

За первыми деревьями показались глинобитные хижинки и огороды. Углубляясь все дальше от города в сельскую мест-

¹¹ *Садху* – отшельник, аскет, святой человек.

ность, мы были приятно удивлены райским местечком по сравнению с безлюдной пустыней и суетливым Старым Городом. В основном тут живут простые крестьяне-*шудры*¹², деревушки содержатся в кристальной чистоте, земля так выметена, что на ней нет ни соринки. Даже джунгли, с пальмами и зарослями тростника, кажутся ухоженными, чистыми и прохладными.

Вскоре дошли до крепости Рам Нагар, бывшей резиденции магараджей Бенареса, построенной в XVII веке. Сейчас это – музей. Музеем это, конечно, сложно назвать – в разбитых, заросших пылью витринах выставлены такие же пыльные, рваные и грязные символы былого величия Бенареса и его раджей. В оружейной галерее на стене висит выкрашенный в коричневый цвет планшет из фанеры, к которому прикреплено несколько серебряных бутанских щитов и мечей, и, видимо, для того, чтобы они составляли с ним некую творческую композицию, их тоже покрасили коричневой краской. Смотрители в музее выпрашивают по пайсу у посетителей и, по-моему, готовы за несколько рупий вынести из музея любой экспонат.

На обратном пути мы заняли места в общей лодке, в которой уже расположилось несколько крестьян в ожидании, пока наберется остальной народ. Мое внимание привлекли

¹² *Шудры* – одна из четырех древних индуистских каст (варн), потомки покоренных неарийских племен. Ныне шудры распались на множество мелких низших каст, большей частью по роду своих занятий.

две старушки-крестьянки из деревни с другой стороны, едущие в город на рынок. Они, наверное, были сестрами, на руках у обеих блестели одинаковые серебряные браслеты, поражающие своими размерами, красотой и изысканной резбой – каждый браслет представлял собой двуглавую змею со сплетенными языками; толщиной с черенок от лопаты, они казались толще черных запястий старушек, непонятно, как они вообще таскают на себе такую тяжесть.

В VII веке китайский путешественник *Сюань Цзан*¹³ неоднократно подвергался нападениям разбойников, плывая по Гангу на таких же суденышках. Пираты захватили Сюань Цзана вблизи Варанаси и намеревались принести его в жертву богине *Дурге*¹⁴. Глядя на сотни лодок, стоящих по другую сторону, на «Вечный город», мерцающий в мареве теплых потоков воздуха, и на этих древних старушек, я охотно в это поверил.

Но вот лодка уже отправляется, подбирая последнего пассажира, – старушку, бредущую по колено в воде с гигантской корзиной сухих какашек.

¹³ *Сюань Цзан* – китайский буддист-паломник, побывавший в Индии в первой половине VII в.

¹⁴ *Дурга* – богиня-Мать, культ которой связан с женской ипостасью Шивы – его супругой Кали, Дэви, Парвати и проч. Дурга – богиня-воительница, защитница богов и мирового порядка от демонических сил.

Вид с крыши нашего дома

Бродяга

* * *

Я проснулся в холодном поту, не знаю, сколько я проспал – час или десять минут. И проснулся ли я вообще.

В левой руке у меня сигарета, она дрожит вместе с рукой – я дрожу: у меня приступ озноба. Это нормально, что меня знобит. Я еще не успокоился, но когда нервничаешь – чертовски приятно курить. И я радуюсь каждой затяжке, будто это моя последняя сигарета. Правда, приходится постоянно

откашливаться и поминутно ощупывать горло.

На индийских пачках из-под сигарет редко пишут о том, что «курение – причина смертельных заболеваний». На моей пачке «Capstan» нет упоминания ни о болезнях, ни об уровне никотина или смол, только название и место происхождения табака. Мне на это откровенно плевать. И чихать я хотел на все причины. Особенно сейчас, когда с радостью закурю еще одну. А причин может быть действительно сколько угодно. Хуже, когда их нет: последствия есть, а причин – нет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.